

Хлебникова Ольга Владимировна

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КОД В ФИЛОСОФСКОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена семиотическому исследованию смыслообразования в философских текстах. Рассматриваются проблема аутентичности их интерпретации, проблема взаимодействия между философом-автором и читателем текста как реципиентом и сопроизводителем смысла. Основным понятием исследования выступает понятие герменевтического кода, который изучается в единстве воображаемого ряда, состоящего из трех элементов: наименования текста; характера постановки проблемы (или проблем); общей направленности терминологии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/47.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 186-189. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Агапов Е. П. Социальная помощь в контексте культуры: автореф. дисс. ... д. филос. н. Ростов н/Д, 2001. 48 с.
2. Кузьмин К. В., Сутырин Б. А. История социальной работы за рубежом и в России: учеб. пособие. М.: Академический Проект, 2006. 624 с.
3. Пономарев П. А. Социальная работа как социокультурный институт: автореф. дисс. ... д. филос. н. Ростов н/Д, 2005. 47 с.
4. Поппер К. Открытое общество и его враги [Электронный ресурс]. URL: <http://monologos.ru/karl-popper-otkryitoe-obshhestvo-i-ego-vragi/5/> (дата обращения: 15.07.2014).
5. Ромм М. В., Ромм Т. А. Теория социальной работы: учеб. пособие [Электронный ресурс]. Новосибирск, 1999. URL: <http://socpedagogika.narod.ru/Romm.html> (дата обращения: 19.07.2014).
6. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН, 1999. 320 с.
7. Холостова Е. И. Социальная работа: учеб. пособие. Изд-е 6-е. М.: Дашков и К, 2009. 860 с.
8. Целых М. П. Социальная работа за рубежом: Соединенные Штаты Америки. М.: Изд. Центр «Академия», 2007. 147 с.

SOCIAL-CULTURAL FEATURES OF SOCIAL WORK: HISTORICAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Khadisova Karina Vakhaevna

Chechen State University

book09khhk@gmail.com

The article is devoted to the consideration of social work in the cultural and historical context of development in Russia. The characteristic features of the social-cultural traditions of social assistance, which served as the basis of various models of social work abroad and in Russia, are singled out and described. Considerable attention is paid to the specificity of spiritual and moral values that influenced the process of social work institutionalization. The author comes to the conclusion about the leading role of social-cultural conditions in the formation of social work values system.

Key words and phrases: social-cultural aspects of social work; social assistance; historical and cultural traditions; philanthropy; public assistance; altruism; social state.

УДК 101.1

Философские науки

Статья посвящена семиотическому исследованию смыслообразования в философских текстах. Рассматриваются проблема аутентичности их интерпретации, проблема взаимодействия между философом-автором и читателем текста как реципиентом и сопроизводителем смысла. Основным понятием исследования выступает понятие герменевтического кода, который изучается в единстве воображаемого ряда, состоящего из трех элементов: наименования текста; характера постановки проблемы (или проблем); общей направленности терминологии.

Ключевые слова и фразы: семиотика; герменевтический код; текст; читатель; философия; смысл.

Хлебникова Ольга Владимировна, к. филос. н., доцент

Омский государственный университет путей сообщения

hlebnikova_ov@mail.ru

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ КОД В ФИЛОСОФСКОМ ТЕКСТЕ®

Одной из актуальных проблем современной философской мысли, безусловно, является проблема исследования своего рода «внутреннего» устройства философских текстов, самих метаморфоз смыслообразования внутри всякого подобного текста как такового. В этом отношении мы неизбежно столкнемся с необходимостью изучения проблемы разрыва, «зазора» между смысловым содержанием, вложенным в тот или иной текст его автором, и аналогичным содержанием, извлеченным из этого текста его читателем, то есть проблемы «аутентичности» истолкования, интерпретации философского текста.

В целях наилучшего рассмотрения данной проблемы, на наш взгляд, имеются основания для обращения к понятиям «семиотический код» и «семиотическое кодирование», каковая терминология, с очевидностью, восходит к некоторым идеям, высказанным еще У. Эко [12, р. 164-188].

Сами данные понятия будут толковаться нами в перспективе следующих интенций понимания:

1) вообще вести речь о кодировании информации в том или ином тексте мы имеем возможность только при условии признания того факта, что всякий автор непосредственно в момент порождения соответствующего текстового материала всегда подразумевает некую модель возможного читателя, адресата, который «сможет интерпретировать воспринимаемые выражения точно в таком же духе, в каком писатель их создавал» [11, с. 17]. При этом степень артикулированности характеристик этого гипотетического адресата не имеет принципиального

значения, важно лишь то, что сам «язык» заочной коммуникации между ним и автором, сама сфера допустимого семиозиса все-таки должна каждый раз рассматриваться как заранее определенная [9, с. 106];

2) при обращении к проблеме семиотического кодирования в горизонте именно читательского восприятия соответствующего текста мы не должны забывать о том, что любой семиотический код как таковой есть нечто, не находящееся в законченном виде собственно «внутри» текста, нечто, не обнаруживаемое в пространстве текста простым усилением воли (в этом смысле текст всегда сохраняет собственную автономность [5, с. 131]). Код – это некий план, некий угол зрения, который сначала привносится в текст его читателем с тем, чтобы затем быть найденным. Как писал У. Эко, «найти код – это и значит теоретически постулировать его» [10, с. 83];

3) семиотические коды не однозначны и не статичны. Иначе говоря, в случае рассмотрения всякого подобного кода в качестве специфического феномена мы с необходимостью должны будем констатировать соединение в данном феномене неких «правил игры в смысл», задаваемых областью допустимого семиозиса, и некоторого читательского угла зрения, что автоматически приводит нас к осознанию невозможности приписывания тому или иному тексту наличия строго определенного набора кодов. По-видимому, единственным принципом, на основе которого вообще следует вести разговор о каком-либо конкретном наборе семиотических кодов, обнаруживаемых в соответствующем тексте, является принцип экономичности, выраженный «бритвой Оккама»;

4) действие кода никогда не ограничивается тем или иным единичным текстом в силу наличия у всякого текста множества своеобразных «текстовых выходов». Семиотический код – это понятие, которое наиболее целесообразно применять к разного рода совокупностям текстового материала (по крайней мере, в перспективе зрения на эти совокупности) либо целым литературным традициям. И в этом смысле проблема семиотического кодирования выступает как проблема конституирования некоего единого поля интерпретации: в том отношении, что всякий отдельный текст может быть истолкован в горизонте смыслов, примыкающих к его собственным «текстовым выходам» с «обратной стороны». Одновременно это означает, что проблема семиотического кодирования подразумевает еще и указание на проблему актуализации фундаментальной «качественности» любой возможной интерпретации, иными словами, на тот факт, что, помимо прочего, именно сущностная специфика некоторого набора обнаруженных кодов заставляет читателя интерпретировать тот или иной текст в соответствующем ему ключе: например, философский текст – философски, а научный – научно [13, р. 22].

Обратимся далее к работе известного семиотика Р. Барта «S/Z», в которой он выдвигает идею о том, что всякий текст может быть рассмотрен как результат превращения некой сети, топики из пяти семиотических кодов: герменевтического, семического, символического, проайретического и гномического [2, с. 42-46]. На наш взгляд, данную семиотическую модель можно применить и к исследованию процессов смыслообразования и потенций интерпретации в философских текстах.

Предметом нашего исследовательского интереса в рамках настоящей статьи будет являться действие герменевтического семиотического кода в философском тексте. В общем виде его существо в соответствии с замыслами Барта может быть представлено следующим образом: герменевтический код задает тот путь, на котором формулируется вопрос, проблема либо «загадка» текста, а затем и ответ, решение, «разгадка». Таким образом, герменевтический код вводит некую последовательность элементов, по которым впоследствии прочитывается общая направленность «сюжета» текста, его композиция.

В любом философском тексте герменевтический код расшифровывается читателем в ходе продвижения по некоему воображаемому ряду, состоящему, на наш взгляд, из трех основных элементов: наименования текста; характера постановки проблемы (или проблем), рассматриваемой в тексте; общей направленности используемой терминологии.

Обращение к данному ряду, с одной стороны, позволяет разглядеть ту перспективу бытия, умозрение на которую, собственно, и открывает нам определенный философский текст. В. Подорога обозначает подобную перспективу понятием «ландшафтный образ», где последний есть «воображаемый план места, где может расположиться архитектурный идеал той или иной философской системы» [7, с. 27-28]. С другой же стороны, именно изучение элементов данного ряда дает возможность читателю принять участие в процессе решения некоторой интеллектуальной загадки, а следовательно, включиться в своего рода игру.

Безусловно, главным элементом нашего воображаемого ряда является характер постановки философской проблемы, посредством которого впервые дает о себе знать существо «завязки» соответствующего философского «сюжета». Отдадим себе отчет в том, что, по сути, непосредственным механизмом формулирования любой такой проблемы (содержанием которой всякий раз являются некоторые таинственные бытийные феномены) выступает сознательное превращение определенного знания в соответствующее незнание. При этом философ-автор словно бы разыгрывает собственную личностную неосведомленность о каких-то совершенно очевидных всем остальным людям вещах.

Заметим в качестве ремарки, что в этом контексте вовсе не выглядит случайным, например, известное рассуждение Р. Декарта о том, что всякое философствование по поводу *события* мира должно начинаться с осуществления процедуры сомнения, то есть фактически такой процедуры, которая отнимает у всего общепринятого и привычного собственно этот статус. Аналогичным образом работает и мысль М. Хайдеггера, высказанная им в одном из интервью и утверждающая в качестве основной задачи философии превращение простых вещей в сложные, или, иначе говоря, всего, что само собой разумеется, в нечто загадочное и принципиально (здесь – нарочито) трудное для понимания.

Можно сказать, таким образом, что вообще любое философское вопрошание проблематизирует расширение пространства мыслимого как таковое, оно актуализирует собой собственно возможность мысли преодолеть самое себя, стать чем-то большим, чем простой формой знания.

Вообще говоря, всякая философская проблема, являясь определенного рода *онтологической загадкой об истине*, самым фактом своей экспликации указывает на способность знания при некоторых условиях преодолевать собственные пределы, то есть выходить за границы наличного информативного ресурса, обретая, таким манером, смысл [1].

Дадим попутно некоторые дополнительные разъяснения по поводу выражения «онтологическая загадка об истине». Помимо очевидного указания на онтологическую ясность, вносимую философскими сюжетами в сферу оснований бытия, речь тут идет о том, что концентрированным выражением этой ясности является именно истина, понимаемая в качестве события артикуляции всего случившегося единственно возможным образом (того, что в принципе не могло бы *стать* чем-то иным).

Сам Барт, семиотической моделью которого мы воспользовались, называл герменевтический код как таковой Голосом Истины [2, с. 46]. В этом отношении, говоря об «онтологической загадке об истине», разворачиваемой тем или иным философским текстом, мы всегда, кроме прочего, еще и обнажаем определенную неотвратимость, с которой истинностная разгадка этой загадки превращается в бытийную неизбежность, с которой отныне мы будем обязаны считаться.

В целом при любом читательском анализе характера проблемы, поставленной тем или иным философским текстом, необходимо, исходя из сказанного выше, обращать внимание, прежде всего, на два важнейших момента:

1) на границы области нарочитого незнания, заданные автором текста. Именно в предметной сфере, очерченной неуместным вопрошанием философа-автора, следует в дальнейшем ожидать того *прорыва* смыслообразования, с которым, по сути, и совпадает актуализация «завязки» в композиции философского текста;

2) на тип «погружения» читателя в смысловую «глубину» проблематики текста, предвосхищаемый его автором посредством соответствующей детализации области принципиального незнания.

В связи с этим будет уместно вспомнить о некоторых идеях Г. Башляра, который, рассуждая о психологии воображения, обращается к исследованию феномена творческого умозрения на «перспективу скрытого в вещах» [3, с. 13-37]. В русле рассматриваемой нами тематики можно указать на определенный параллелизм выявленных французским мыслителем типов подобного умозрения с возможными типами «нисхождения» читателя всякого философского текста, понимаемого как некоторая странная вещь, в его «недра».

Имея в виду данные обстоятельства, назовем непосредственно эти типы.

Во-первых, речь должна идти о типе отмененной перспективы, основанной на демонстрации определенного сорта иллюзорности глубины текста. Подобное перспективное видение иницируется в читателе через оптимизацию и минимизацию философом-автором своих писательских усилий. Иными словами, данный тип поκειται на линейном и лаконичном указании автором текста на место грядущего прорыва смыслообразования.

Во-вторых, можно говорить о типе диалектической перспективы, опирающейся на представление о возможности бесконечного погружения читателя в текст, избавляющийся таким образом от всякой ограниченности собственной формой. Здесь подразумевается тот вариант потенциального развития события интерпретации, при котором соответствующее программирующее движение философа-автора изначально направлено на конструирование интриги сокрытия области прорыва смыслообразования.

В-третьих, упомянем также о типе перспективы изумления, то есть перспективы любования архитектурой текста, когда читатель словно бы и не хочет, и не может вернуться к его «поверхности». Разговор идет о своего рода соблазне глубины, срабатывание которого напрямую связано с фактом избыточного богатства языка философа-автора [6, с. 102], а также с излишком обозначенных им в области принципиального незнания деталей. Это богатство и это излишество в рамках события интерпретации всегда выглядят очевидным намеком, во-первых, на множественность мест вероятных прорывов смыслообразования, а во-вторых, на возможность поэтизации и эстетизации самого смыслообразующего процесса.

И наконец, в-четвертых, следует указать на тип перспективы бесконечной субстанциальной напряженности, реализующийся посредством попыток приобщения читателя через текст к неограниченному длению *события* мысли. Подобный эффект достигается либо за счет использования философом-автором такого языка, который постоянно демонстрирует рекомпозицию оснований собственного синтаксиса и лексической структуры, либо за счет «кругового» разворачивания содержания текста, при котором философ-автор словно бы погружает читателя в интеллектуальную медитацию, непрерывно повторяя уже сказанное.

Необходимо помнить, однако, о том, что все же нет никакой окончательной гарантии того, что направленность читательской интерпретации в итоге совпадет с авторскими расчетами.

В разгадывании онтологической загадки философского текста читателем важная роль принадлежит также рассмотрению его наименования и общей ориентации использованной в нем терминологии.

Наименование выступает здесь в качестве основополагающего ориентира, указывающего общее направление разгадывания. По существу, таких направлений может быть два: прямое и окольное.

Первое непосредственно связано с указанием на освещаемую в тексте философскую проблему (соответственно, в данном случае читатель будет иметь дело с таким типом его предполагаемого «погружения» в текст, как тип отмененной перспективы). И в этом случае наименование выполняет функцию дополнительного ярлыка, помогающего идентифицировать характер постановки данной проблемы и намекающего на разгадку (например, «Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках» Р. Декарта).

Второе отсылает к определенному полю аналогий, аллюзий и метафорических образов, в котором очертания той или иной философской проблемы на первых порах всегда только лишь смутно угадываются (естественно, здесь читатель окажется лицом к лицу со всеми прочими типами его предвосхищаемого философ-автором «погружения» в текст, исключая тип отмененной перспективы). И тогда наименование является простым приглашением к вступлению в интеллектуальную игру, итогом которой будет более или менее удачное угадывание этих очертаний, не позволяющее, однако, однозначно судить о степени соответствия угаданного загаданному (например, «Соблазн» Ж. Бодрийера).

Здесь будет уместно вспомнить о французской исследовательнице Н. Пьеге-Гро, которая выделяет два возможных способа предполагаемого структурой всякого текста фундаментального взаимодействия непосредственно его самого с читателем: способ интерпретации и способ соучастия. Соответственно, она ведет речь о двух основных модусах чтения, первый из которых связывает с образом читателя-интерпретатора, а второй – с образом читателя-соучастника [8, с. 132-150]. Читатель-интерпретатор – это такой адресат текста, важнейшей задачей которого является обнаружение, «воссоздание» смысла собственно текста в целях его наилучшего понимания. Читатель-соучастник – это своего рода сообщник автора в разыгрывании феномена смысла тем или иным текстом (и в этом отношении читатель-соучастник всегда должен быть готов стать жертвой мистификации).

На наш взгляд, определенный модус чтения любого текста активизируется именно на этапе осмысления читателем самой формулировки его наименования. И, следовательно, рассуждая о направлениях разгадывания онтологических загадок, представляемых философскими текстами, можно сделать вывод о том, что прямое направление разгадывания соответствует интеллектуальному «продвижению» читателя-интерпретатора, а окольное направление – интригующим превращениям читателя-соучастника.

При любых обстоятельствах наименование рано или поздно превращается в культурный символ, отношение к которому типизируется. По большому счету профессиональный философ – это тот, кто, во-первых, может объяснить и обосновать типичное в подобных отношениях, а во-вторых, способен «развернуть» такой символ до уровня конкретной онтологической загадки.

Что же касается терминологических тезаурусов философских текстов, то они, с очевидностью, являются для них моментами наибольшей устойчивости. Именно они в значительной степени определяют размерность восприятия соответствующих текстов, именно они предоставляют своего рода наборы знаков, по которым опознается тот или иной философский «сюжет», и отчасти именно они объединяют множество философских текстов в единое дискурсивное и идеологическое пространство.

В целом следует сказать, что герменевтический код играет в философском тексте роль своего рода фильтра. Способность более или менее адекватно прочесть этот код по указанным выше элементам является неотъемлемым свойством «настоящего» философа, который единственный способен увидеть нарисованную данным текстом перспективу бытия, принять участие в определенной интеллектуальной игре и разгадать соответствующую онтологическую загадку. Ведь любая философская книга пишется для ограниченного круга лиц, для некоего «отсутствующего» сообщества индивидуумов, которым по той или иной причине «уже случилось приходиться к выраженным в ней мыслям» [4, с. 3].

Список литературы

1. Авдошин Г. В. Образ как источник познания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12. Ч. 2. С. 16-20.
2. Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с.
3. Башляр Г. Земля и грезы о покое. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2001. 320 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. 1. С. 1-73.
5. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. С. 129-132.
6. Мамардашвили М. К. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. 608 с.
7. Подорога В. Выражение и смысл. М.: Ad Marginem, 1995. 428 с.
8. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 240 с.
9. Успенский Б. А. *Ego Loquens*. Язык и коммуникационное пространство. М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 2007. 320 с.
10. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.
11. Эко У. Роль читателя: исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.
12. Eco U. *Semiotics and the Philosophy of Language*. Bloomington: Indiana University Press, 1986. 252 p.
13. Mason R. *Understanding Understanding*. Albany: State University of New York Press, 2003. 132 p.

HERMENEUTICAL CODE IN PHILOSOPHICAL TEXT

Khlebnikova Ol'ga Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Omsk State Transport University
hlebnikova_ov@mail.ru

The article is devoted to the semiotic investigation of meaning making in philosophical texts. The author examines the problem of the authenticity of their interpretation, the problem of interaction between the author-philosopher and the reader as a recipient and co-producer of meaning. The basic conception of the research is a conception of hermeneutical code, which is analyzed in the integrity of an imaginary line consisting from three elements: title of text; nature of problem(s) statement; general trend of terminology.

Key words and phrases: semiotics; hermeneutical code; text; reader; philosophy; meaning.